

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-07

УДК 903.5«653»(571.16):316.3

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТОМСКОМ ПРИОБЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ)

Л. М. Плетнева

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск,
Российская Федерация, e-mail: pletnevalm@tspu.edu.ru*

Резюме: Целью данной статьи является реконструкция социальной структуры общества Томского Приобья развитого Средневековья. Источниковую базу составили материалы археологических раскопок трех могильников: Астраханцевского, Басандайского и могильника у Устья Малой Киргизки. Критериями для анализа послужили качественно-количественный состав инвентаря и погребальные сооружения. Было отобрано 212 погребений взрослых и детей. В результате проделанной работы выделено пять групп среди взрослого населения и три группы детей. Рассмотрены группы взрослых. Представители группы I имели наиболее полный набор вооружения: сабли, копьё, лук со стрелами. Только в этой группе у некоторых воинов есть защитный доспех-панцирь. Некоторые захоронения были с лошадьми. К группе II отнесены погребения с богатым инвентарем, включающим украшения из драгметаллов и драгоценных и полудрагоценных камней, встречены фрагменты шелка, есть погребения с оружием, с лошадьми или с их амуницией. Группа III разделена на две подгруппы: III/1 — воины-всадники, профессионалы; III/2 — пешие воины, охотники и другие группы населения. Группа IV включает захоронения с небольшим набором бытового инвентаря. Группа V — захоронения без инвентаря. Среди детей выделены следующие группы: I — с богатым инвентарем, II — с малым количеством инвентаря, III — без инвентаря. Выделенные группы у взрослого населения моделируют социальную структуру: группа I — это представители военно-административной власти на местах, группа II — богатые люди, группа III — воины-всадники, опора власти; вместе с представителями группы I они, видимо, составляли военную элиту; группа III/2 — это ополчение в военное время и охотники, рыболовы и скотоводы — в мирное время, группа IV — малоимущая часть местного населения, незначительная по количеству, группа V — безынвентарные, бедные, возможно, зависимые люди. Среди детей выделяется группа I — это дети богатых родителей, группа II — дети населения с малым достатком. Дети без инвентаря — причину таких погребений трудно объяснить.

Ключевые слова: Томское Приобье, развитое Средневековье, археология, могильник, социальная структура

Для цитирования: Плетнева Л. М. Социальная структура общества развитого Средневековья в Томском Приобье (по материалам могильников) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 1. С. 106–127. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-07

THE SOCIAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE TOMSK OB REGION IN THE HIGH MIDDLE AGES (BASED ON MATERIALS FROM BURIAL GROUNDS)

Lyudmila M. Pletneva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
e-mail: pletnevalm@tspu.edu.ru

Abstract: This paper is aimed at reconstructing the social structure of the population of the Tomsk Ob Region in the High Middle Ages. The source base is made up of materials from archaeological excavations of three burial grounds: Astrakhantsevsky burial mound, Basandaysky burial mound, and the burial ground at the mouth of the Malaya Kirgiska River. The composition of grave goods (in terms of quantity and quantity) and a burial structure served as criteria for the analysis. 212 graves of adults and children have been selected. As a result of the analysis, we have identified five adult groups and three children's groups. The adult groups are as follows. Representatives of group I had the most complete set of weapons: sabers, spears, bows and arrows. Only this group of warriors had a protective suite of armour. There were horses in some graves. We identified one grave of this group in the Astrakhantsevsky burial mound, two in Basandaysky burial mound, and seven in the burial ground at the mouth of the Malaya Kirgiska River. Group II includes graves with rich goods, such as jewelry made of precious metals, precious and semiprecious stones. There are also fragments of silk. There are graves with weapons, horses or their ammunition. Group III is divided into two subgroups: III/1 — cavalry warriors, professionals; III/2 — infantry warriors, hunters and other groups of the population. Group IV includes poorer segments of the population, with a small set of household goods. Group V includes graves without goods. The children's groups include: I — with rich goods, II — with scarce goods, III — without goods. Attention should be paid to the following circumstances: in several cases we identified persons buried in a mound as relatives or members of the same family. There are interesting observations concerning the location of mirrors. They were found in adult groups I, II, III, IV and children's group I, II. However, no special group of people authorized to perform religious rituals was identified. This situation is likely to reflect the social reality of that period in the Tomsk Ob Region. The identified adult groups represent the social structure: group I — representatives of local military and administrative authorities; group II — rich people, group III — cavalry warriors, power base (together with representatives of group I, they are likely to constitute the military elite); group III/2 — militia in wartime and hunters, fishermen or herders in peacetime; group IV — poorer segments of the local population, small in size; group V — people without goods, the poor, possibly dependent people. Among children, group I (children of wealthy parents) and group II (children of low-income parents) stand out. As for children without goods, it is quite difficult to explain reasons for such burials.

Keywords: Tomsk Ob region, High Middle Ages, archaeology, burial ground, social structure, elite, power

For citation: Pletneva L. M. The Social Structure of the Population of the Tomsk Ob Region in the High Middle Ages (Based on Materials from Burial Grounds). *The Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(1):106–127. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2021)1(33).-07

Введение

Вопросы разработки социальной организации являются наиболее сложными при реконструкции ее по археологическим материалам. Ими занимались ученые еще с конца XIX в. Обобщение опыта предшественников и реконструкция социальной и политической организации раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского ре-

гиона и Центральной Азии представлены в монографии Н. Н. Серегина [2013], а также в работах Н. Н. Крадина [2002], А. А. Тишкина [2005], П. К. Дашковского, И. А. Мейкшана [2015] и других исследователей. В развитом Средневековье социальная организация усложняется. Но поскольку главным в жизни кочевников оставалась вооруженная борьба (либо за новые земли, либо их охрана), то, на наш взгляд, продолжали существовать основные категории социума, в частности на территории южной части Западной Сибири и Лесостепного Алтая, в основном те же, что и в раннем Средневековье.

Предложенные Н. Н. Серегиним [2013] критерии для определения социальной стратификации, а именно погребальные сооружения и качественно-количественный состав инвентаря в погребениях, использованы нами в этой работе.

Материалы и исследования

Для исследования были взяты курганные могильники Астраханцевский (АКМ; Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ, коллекция № 7592), Басандайский (БКМ; Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ, коллекция № 6704) и могильник у Устья Малой Киргизки (МУМК; Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ, коллекция № 7558).

Прежде чем приступить к анализу материала, следует сделать некоторые пояснения. При анализе погребений по обозначенной теме были исключены полностью разграбленные погребения, несмотря на присутствие в них одного-двух предметов. Поскольку во многих погребениях имели место явные следы раскрытия могил, но инвентарь, который по современным понятиям должен был быть взятым грабителями, остался в могиле (палаши, серебряные предметы, украшения из лазурита, янтаря и т. д.), то автор в данной статье пользуется термином «нарушенные» погребения. Следует также отметить и такой момент — нарушение только насыпи кургана над погребенным. Возможно, это осквернение могил. Далее в работе были использованы как ненарушенные, так и нарушенные погребения с соответствующей отметкой в тексте. Если рассматривать только ненарушенные погребения, то можем составить неверную картину о социальных группах и их соотношении в реальности (грабили или оскверняли могилы далеко не рядовые). С другой стороны, включение потревоженных могил не дает полного представления об инвентаре, положенном в момент погребения, но по оставшимся находкам можно все-таки определить статус погребенного. Конечно, ошибки неизбежны.

Для групп I, II, III взяты погребения как ненарушенные, так и нарушенные. Снижает достоверность выводов тот факт, что могильники полностью не раскопаны. Однако все могильники исследованы в значительной части: в АКМ из 128 раскопано 66 курганов, в БКМ из 109 исследовано 34, в МУМК из 102 — 79. Продолжить работы на этих памятниках вряд ли возможно, так как раскопаны почти все объекты, которые можно было исследовать.

Всего проанализировано 212 погребений (из них 175 взрослых — 82,55% и 37 детских — 17,45%). Автору приходилось уже обращаться к некоторым аспектам социальной структуры общества развитого Средневековья Томского Приобья [Плетнева, 2010; 2011; 2019].

Рассмотрим распределение захоронений по группам. Поскольку сохранность костного материала, особенно в МУМК, не позволила разделить погребения по гендерному принципу, в выделенные группы включены взрослые мужчины и женщины. В ходе

проведенного анализа по набору определенных признаков были выделены пять групп погребений взрослых людей и три группы детских захоронений. При описании характерного инвентаря для погребений I и II групп бытовой инвентарь, как правило, присутствовал во всех погребениях (см.: [Дульзон, 1947; Плетнева, 1997]), но в статье упоминаться не будет.

Взрослые. Группа I (девять человек — 5,14% от количества взрослых).

Анализ погребений произведен по краткой характеристике погребальных сооружений (кургана, могилы) и по качественно-количественному составу инвентаря. В АКМ таких погребений нет. Из БКМ к группе I отнесены погребение 3 из кургана № 1 (ненарушенное) и погребение из кургана № 87 (нарушенное). Группу I из МУМК составили погребения из курганов: № 18 (п. 1), № 27 (п. 2), № 30 (п. 2), № 49, № 62 (п. 2), № 63 (п. 3), № 72 (п. 1). Из них ненарушенные погребения в курганах № 18 и 62.

Инвентарь включает сабли, палаши, копье, стрелковое оружие, защитный доспех — панцири (не у всех), наборные пояса (не у всех), дополнительные аксессуары костюма и украшения конского снаряжения, изготовленные с использованием драгоценных металлов, иногда зеркала, захоронение лошади или ее амуниции. Размер курганов во всех анализируемых могильниках зависел от количества в них могил и от социального статуса погребенных в них лиц. Но следует отметить, что это соблюдалось не всегда. В кургане № 1 из БКМ было три могилы. Диаметр кургана 11,5 м, высота до 1 м. На поверхности кургана имеется несколько грабительских ям, но погребение 3, отнесенное к группе I, осталось целым. «В насыпи под дерном обнаружены следы мощного костра — слой прокаленной докрасна глины на глубине 20–30 см от поверхности. Толщина костра 10–15 см. Под этой прослойкой была темная земля попеременно с прокаленной глиной. Остатки костра были, следовательно, засыпаны глиной» [Дульзон, 1947, с. 84]. В насыпи встречались фрагменты керамики. Могила была засыпана подзолистой землей с угольками. В северо-западной части отмечено скопление углей и жженой глины. Погребение 3 располагалось на шести камнях [Басандайка, 1947, табл. 31], лежащих на погребенной почве (на глубине 70 см от поверхности). Погребение было обложено с трех сторон бревнами. С умершим обнаружены копье (из всех погребений трех могильников — это единственное погребение, в котором найдено копье), сабля, 20 железных наконечников стрел. На бедренных костях лежал пластинчатый панцирь, из бытовых предметов — нож, три топора-тесла, железная ложка, из украшений — бисер, лазуритовая и сердоликовые (4 шт.) бусины. С восточной стороны умершего погребены две лошади — только черепа и кости передних и задних ног, они были покрыты берестой. Между костяком человека и лошадьми положены одна пара стремян, удила, пряжка, железное кольцо и другие железные предметы. Редкой находкой является панцирь. Он состоял из «железных пластинок размером 5,5×2 см толщиной 1,5 мм, большей частью прямоугольной формы с 10 маленькими (в 1 мм) отверстиями, некоторые из них были соединены в ряд полосой в 15–40 см; в ряде случаев они были наложены боковыми длинными сторонами одна на другую, так что боковые отверстия одной пластины приходились на соответствующие отверстия другой. По-видимому, эти пластинки составляли латы, которые, однако, не были надеты, а лежали на верхней части ног» [Дульзон, 1947, с. 87].

Такие панцири хорошо известны в памятниках раннего Средневековья и продолжают существовать в развитом Средневековье [Горбунов, 2003].

Курган № 87 имел диаметр 9 м, высоту до 0,8 м. В нем оказалось одно погребение. Над погребением был настил из трех березовых плах. На них насыпана прослойка желтой глины (0,1 м), выше — желтая земля суглинистого состава (0,45 м), над ней — темно-серая земля (0,1 м). Под настилом зафиксирован небольшой слой земли, над ним береста, под ней находился берестяной чехол. Погребение нарушенное, только ноги были на месте в берестяном чехле. Могила оконтурена деревянными кольшками около 10 см длиной, диаметром 1,5–2 см, вбитыми на расстоянии 1–1,5 см друг от друга [Дульзон, 1947, с. 83]. С погребенным обнаружены сабля, стремя, топор-тесло, 12 железных наконечников стрел, удила. Череп лошади найден в грабительской яме. Расчищен жертвенник, состоявший из кусков песчаника, уложенных в круг диаметром 65 см, высотой 20 см. Между ними обнаружены угольки и недогоревшие кусочки дерева [Дульзон, 1947, с. 83–84].

Из могильника МУМК к группе I отнесено семь погребений: курган № 18, п. 1; № 27, п. 2; № 30, п. 1; № 49; № 62, п. 2; № 63, п. 2; № 72, п. 1. Размеры курганов с двумя погребениями от 6 м в диаметре (к. 18) до 4,3×5 м (к. 62). В кургане № 49 захоронен один человек, размер кургана п. 3–8×4,4 м. Высота курганов от 15–18 до 40 см. Размер могил значительный: от 208 см (к. 30, п. 2) до 312 см (к. 27, п. 2). В погребении 2 кургана № 62 в ногах лежали кости коня, и длина могилы составила 340 см, ширина могил от 65 до 100–155 см, глубина от 30 до 195 см от уровня материка. Перекрытие могилы отмечено в кургане № 63, погребении 2. Оно состояло из плохо сохранившихся жердей и плахи, уложенных продольно над могилой с некоторым отклонением от ориентации могилы. Следует обратить внимание на детали в сооружении могил, подсыпку под костяками и засыпку могил. Костяк в могиле-2 из кургана № 18 лежал на бересте, засыпан был землей с углями (22 см), слоем глины (10 см), снова мешанной землей с углями (10–11 см), и сверху могила была закрыта глиной. Дно могилы-2 в кургане № 27 оконтурено вертикальными плашками, от которых сохранились гнезда длиной 5–6 см, шириной 2–3 см, между ними прослежены промежутки в 5–12 см. На дне могилы зафиксирована подсыпка из речного песка 5–6 см, слой углей до 6 см. На угли постелена береста. Засыпана могила внизу углем слоем до 20 см в центре и до 60 см по краям. Сверху углей насыпана глина, на глину уложен слой глины вперемежку с землей. Этот слой закрывал обе могилы в кургане. Под костяком в кургане № 49 прослежена подсыпка из серой мешанной земли с угольками толщиной 6 см. В погребении 2 кургана № 62 умерший лежал в гробовище, от которого сохранилось 12 железных скоб.

Рассмотрим снабжение инвентарем. Сабли, палаши и наконечники стрел, как и бытовые предметы (возможно, топоры могли быть и боевыми), найдены во всех указанных погребениях. Защитный доспех в виде отдельных панцирных пластин присутствовал только в погребении 2 кургана № 63. Пояса фиксируются крюками от колчанов и поясными пряжками.

Выделяется погребение 2 в кургане № 27, где была портупея, украшенная позолоченными бляхами [Вертман, Плетнева, 2020]. К импортным предметам, найденным у представителей I группы, относятся в первую очередь сабли. Металлографический

анализ сабель из четырех погребений МУМК (к. 18, п. 1; к. 27; к. 49; к. 62, п. 2) показал их уникальность. «Они изготовлены из специально приготовленной стали. По своей технологической ценности эти образцы имеют выдающееся значение. Западносибирское население не имело собственного производства тигельной стали в исследуемый период, более того, не знало этого производства до XVIII в. Они хорошо известны на Востоке». Таково заключение Н. М. Зинякова [1997, с. 150–151], проводившего анализ клинков. Для Томского Приобья это был дорогой импорт, возможно, из Средней Азии. Поэтому сабли — не местное приобретение, а принесены были их владельцами сюда из места их прихода. Украшений у человека немного: серебряные серьги (к. 18, п. 1), часть серебряной фольги. К особо значимым предметам относится зеркало с двумя фениксами [Плетнева, 1997, рис. 162]. Все знатные лица из МУМК, отнесенные нами к I группе (кроме к. 30), захоронены либо с конем (к. 27, п. 2), либо с предметами конского убранства: оковками от лук седла, стременами, удилами и пряжками — и металлическими предметами, украшавшими узду, выполненными из латуни (к. 27, п. 2) [Вертман, Плетнева, 2020].

Из всех описанных погребений из МУМК по составу инвентаря выделяется погребение 2 из кургана № 63. Только в нем есть защитный доспех, который полагался предводителю-военачальнику. Кроме того, сабля имела ножны с серебряной орнаментированной обкладкой (единственная находка из всех могильников Томского Приобья). Подчеркивает статус данного лица наличие зеркала. Однако следует оговориться, что только погребение 1 в кургане № 18 и погребение 2 в кургане № 62 не ограблены, поэтому нельзя с достоверностью утверждать, что в других описанных погребениях не могло быть других находок. Поэтому погребения в курганах № 18 (п. 2), № 27 (п. 2), № 49, № 62 (п. 2), № 63 (п. 2) отнесены к первой группе как потенциально возможные на роль представителя власти. Из них кто-то был главным (судя по находкам из раскопанных курганов — это воин из погребения 2 кургана № 63), остальные — его ближайшее окружение. Возможна была сменяемость лиц такого ранга из-за естественной убыли и других причин.

Группа II (32 человека — 18,28%).

Критериями для выделения этой группы являются из оружия — стрелы, предметы торевтики с использованием драгметаллов, зеркала, большой набор украшений, состоящий из подвесок и бусин из серебра, перламутра, лазурита, хрусталя, сердолика, яшмы, стекла и других материалов, найдены фрагменты шелка. Среди этих погребений есть погребения с лошадьми или конской амуницией.

Размеры курганов в этой группе: большие — курган № 25 МУМК сооружен для одного человека, с ровиком, его размер 8,4×6,8 м (это самый большой в МУМК). Курган № 55 МУМК для трех отдельных погребений имел размер 6,4×6,0 м, высоту 0,5 м. Курган № 54 для одной могилы был небольшим: 3,6×2,8 м, высота 0,1–0,3 м. Как увидим ниже, для более богатых захоронений курганы были больше по размерам.

В БКМ курганы, погребения из которых включены в эту группу, содержали от двух до 10 погребений и сооружались они по-разному: так, например, курган № 15 насыпался, судя по стратиграфии насыпи и расположению уровня погребений, видимо, дважды: сначала для погребения 3, затем для погребений 1 и 2. Курган № 55 содержал 10 погре-

бений, которые располагались на разных уровнях, что могло быть следствием неоднократного сооружения насыпей над одним или несколькими погребениями. Курган № 8 МУМК — с одной могилой. Его размер 4,5×4,5 м, высота 0,5 м.

В АКМ для двух из четырех погребений, отнесенных к указанной группе, насыпан отдельный курган: размер кургана № 99 — 4×3,6 м, высота 20 см; кургана № 127 — 6×3,8 м, высота 0,44 м.

Анализ размеров курганов в этой группе не позволяет сделать однозначных выводов. Однако заметим, что для умершего в кургане № 25 МУМК был насыпан самый большой курган в этом могильнике.

Размеры могил, как правило, немного больше роста умершего и варьируют от 200 до 250 см в длину, ширина их 50–60 см, редко больше. Там, где в ногах человека располагались кости коня, могилы достигали в длину до 320 см. Погребальные сооружения в могиле встречены редко. В ряде погребений зафиксированы берестяная подстилка (БКМ к. 15, п. 2; МУМК к. 18, п. 2), берестяная подстилка и перекрытие (БКМ, к. 7, п. 2, к 77, п. 2). В кургане № 55, погребении 5 БКМ умерший был завернут в бересту и зашит, уложен на бересту, закрыт сверху берестой [Дульзон, 1947, с. 81].

В нескольких могилах умершие уложены в гробовища. Это прослеживается по положенным вдоль длинных сторон, иногда и по четырем сторонам могилы жердям или нетолстым бревнам (к. 25 МУМК, толщина стенок 5 см; к. 7, п. 1 МУМК; к. 59 МУМК, к. 25 БКМ) и по сохранившимся железным скобам. В некоторых могилах отмечена подсыпка на дне могилы мешаной земли с угольками. В кургане № 18, погр. 2 на дно насыпаны угли, на угли постелена береста.

Отдельно надо сказать о засыпке могил. Часто в могилах II группы, как и в группе I, прослежена засыпка специально приготовленной землей с угольками (к. 25 МУМК, к. 97, п. 1 МУМК). В ряде могил зафиксировано следующее: в курган № 18, погребение 2 снизу над погребением насыпан слой мешаной земли (22 см), над ним слой глины (10 см), затем снова слой мешаной земли с углями (10–11 см), сверху — слой глины. После засыпки над могилами возводилась земляная насыпь, в которой часто прослеживались мелкие угольки.

Группа II разделена на две подгруппы: II/1 — погребения с оружием и богатым инвентарем, II/2 — погребения без оружия, с богатым инвентарем.

Подгруппа II/1. Из АКМ к ней отнесено погребение 2 из кургана № 3, которое выделяется среди раскопанных в этом могильнике. Размер кургана 7,5×6,3 м, высота 0,55 м. На уровне погребенной почвы зафиксирован настил размером 4,08×1,7 м. Он сооружен из уложенных продольно, в западной части еще и поперечно нетолстых колотых бревен шириной 7–15 см, толщиной 8–10 см. Он не закрывал южную часть могилы, был несколько смещен [Плетнева, 1997, с. 12, рис. 15]. В юго-восточной части могилы при снятии настила были обнаружены вертикально стоявшие плашки. Как выяснилось при расчистке погребения, это была загородка, отделявшая захоронение лошади к северу от человека. Человек положен в гробовище размерами 235×36 см, ориентирован головой на восток. Гробовище было поставлено ниже костей лошади (черепа и кости ног) на 20–22 см. Захоронен мужчина 25 лет, длина костяка 175 см. Из вооружения при нем найден длинный боевой нож (или кинжал?), железные наконечники

ки стрел, остатки от колчана, из бытовых предметов — кресало, из украшений — две серебряных серьги и два перстня. Убранство лошади представлено удилами, стременами, пряжкой. Надо сказать о том, что в могильнике АКМ нет погребений с саблями, палашами и защитными доспехами. Захороненный мужчина, видимо, представлял первое лицо в данной группе.

В БКМ погребений, относящихся к подгруппе II/1, не выявлено. Из МУМК к группе II/1 отнесены погребение 2 из кургана № 18 (целое?), погребение 2 из кургана № 25 (грабленое), погребения из курганов 55 (п. 1), 77 (неграбленые). Погребение 2 из кургана № 18 выделяется импортными накладками на луки седла. Это сплошные железные пластины, изготовленные по форме лук (передней и задней), посеребренные сверху [Зиняков, 1997, с. 154, 155]. Кроме того, там найдены железный наконечник стрелы, удила, стремяна, серьги, нефритовая подвеска, часть зеркала из белого сплава, янтарные, кварцевые бусины и бытовой инвентарь [Плетнева, 1997, с. 47]. Можно предположить, что между захороненными в могилах 1 и 2 были родственно-семейные связи. В погребении 1 кургана № 55 найдены железный наконечник стрелы, двойные серебряные серьги, серебряная подвеска, бронзовая бляха с растительным узором, бытовые предметы, стремяна с пряжками, удила, в ногах — череп коня с костями конечностей. Захоронен мужчина 30 лет [Плетнева, 1997, с. 57–58, рис. 143].

Уникальным является погребение в кургане № 77. Оно выделяется «золотым» поясом. На кожаный ремень были прикреплены бронзовые, позолоченные с применением амальгамы мелкие бляхи. Перекрестья ремней закрывали большие позолоченные бляхи. Это предметы высокохудожественной торевтики с растительным орнаментом [Верتمان, Плетнева, 2020].

Подгруппа II/2. В кургане № 99 АКМ захоронена женщина-всадница, в ногах которой было положено седло, деревянная основа не сохранилась, но от него есть железные накладки, скрепляющие части седла и оковки, а также стремяна, удила, пряжка, железные детали упряжи. Кроме того, с ней найдены часть зеркала, бусина, нож и сосуд.

В курганах № 69 (п. 3) и 92 (п. 2) АКМ также обнаружены зеркала (целое в к. 69, п. 3 и часть в к. 92, п. 2) наряду с другим инвентарем: оловянными подвесками у черепа, сосудом в ногах, плохо сохранившимися железными предметами (к. 69, п. 3); бусиной (к. 92, п. 2). Эти два погребения по малому количеству инвентаря следовало бы отнести к группе IV, но по наличию зеркал, как одного из признаков подгруппы II/2, они включены в нее. Во всех трех случаях под зеркалами была ткань и кожа. Возможно, они были положены в мешочки из кожи с подкладом из ткани. Погребение в кургане № 127 выделяется присутствием в нем зеркала с божеством Большой Медведицы, пастовых бус с узором, подвеской, монетой (или монетовидным предметом). Здесь же были нож и сосуд.

Из БКМ сюда включены ненарушенные погребения с лазуритом (подвески, вставки в серьги, бусины) и другими украшениями из курганов № 15 (п. 3, костяк 2), № 24 (п. 4), № 25 (п. 2), № 54 (п. 1), № 66 (п. 1), № 77 (п. 2), № 97 (п. 1) [Плетнева, 2019]. Погребение 2 из кургана № 25 — это захоронение с лошадью (череп и конечности), стременами, удилами, костяными наконечниками стрел, крюками на поясе, бытовыми предметами, с серьгами с лазуритовыми кольцами, с богатым головным убором.

В погребении 2 (частично разрушенном) из кургана № 24 наряду с другими предметами найдены фрагменты головного убора-бокки. Такой головной убор носили только знатные женщины [Пилипенко, 2003; Тишкин, 2009; Плетнева, 2019].

Погребение 1 в кургане № 54 выделяется набором дорогих предметов. Это две золотые бляхи, серебряные серьги, две веточки коралла, 14 лазуриновых подвесок, крупная бусина из яшмы, три сердоликовых бусины, бронзовая бляшка с птицами у мирового дерева [Басандайка, табл. 59; 8].

В рассматриваемую подгруппу следует включить погребение 5 (неграбленное) из кургана № 55 (женщина 40 лет). Найденная в нем погребальная маска состояла из нескольких видов тканей: лицевой — более нарядной камки и подкладочной тафты. На маску были нашиты различной формы серебряные и бронзовые пластинки и небольшие диски [Басандайка, табл. 67]. Судя по описанию А. П. Дульзона [1947, с. 81–82], кроме маски на умершей был головной убор (может быть, маска была частью его), украшенный бисером, различными металлическими пластинами.

Из нарушенных погребений к данной подгруппе относятся погребения в курганах № 7 (п. 2), № 30 (п. 1). В первом из них с умершими были найдены бронзовые серьги, железный крюк, тройник, кресало и кремь. С левой стороны от костяка находился конь — найдены череп, конечности и удила. Могила обустроена следующим образом: сверху она была закрыта берестой, затем на глубине 55–65 см снова закрыта берестой, ниже на 7–12 см шло покрытие в два слоя бересты, в ногах она подогнута. По бокам лежали нетолстые бревна, одна жердь располагалась поперек в ногах. Во втором погребении найдены бронзовые позолоченные граненые подвески с орнаментом на гранях, большое количество разноцветного бисера, нож и шило.

Из МУМК к подгруппе II/2 отнесены следующие погребения: из курганов ненарушенных — № 11, № 12 (п. 1), № 21, № 44 (п. 2), № 54 (п. 1), № 59, № 95 (п. 2), № 98 (п. 1, 2); из нарушенных — к. 30 (п. 2), 50. В кургане № 55 погребение 2 разрушено частично, в кургане № 99 — раскопана часть его. Трое захороненных в этом могильнике наряду с другими предметами имели зеркала (к. 12, п. 1; к. 21; к. 95, п. 2). В кургане № 21 найдены еще и серебряные подвески. В погребениях из курганов № 30 (п. 2), № 44 (п. 2), № 50, № 55 (п. 2), № 98 (п. 1) наряду с другими предметами обнаружены предметы из серебра: подвески, серьги, браслет [Плетнева, 1997, с. 51, 54, 56, 68]. Только в одном погребении МУМК (к. 11) была найдена лазуриновая подвеска вместе с янтарными, хрустальными, стеклянными бусинами и янтарной подвеской, а также бытовыми предметами и железной пряжкой в области пояса. Интересно отметить, что в погребении 2 из кургана № 98 обнаружена каменная подвеска, по форме имитирующая лазуриновую. Погребение в кургане № 99 раскопано частично, так как над ним выросла сосна. Над могилой был положен сошник. Поскольку свидетельств земледелия крайне мало, мы сочли необходимым включить обладателя его в эту группу. Это мог быть кузнец или земледелец (скорее второе).

Группа III (74 человека — 42,28%).

В эту группу включены погребения с оружием (кроме копий, сабель и палашей). Выделено две подгруппы: III/1 — погребения с оружием и лошадь, III/2 — погребения со стрелковым оружием. Подгруппа III/1 — воины-всадники. Они вооружены стрелами

с железными наконечниками, иногда с железными и костяными наконечниками. В нескольких захоронениях присутствует лошадь или предметы конской амуниции: фрагменты узды, удила, стремяна, фрагменты седел. Встречаются украшения.

Подгруппа III/1. В АКМ к этой подгруппе отнесены захоронения в кургане № 64 (п. 2), № 65 (п. 1), № 92 (п. 1), № 114 (п. 1). В первых двух погребениях найдены железные предметы от конской амуниции, в двух последних — черепа лошадей в ногах погребенного. Все снабжены железными (от 5 до 10) и костяными (от 1 до 5) наконечниками стрел, топорами-теслами и другим бытовым инвентарем. Из редких находок в погребении 1 кургана № 92 происходит срединная накладка на лук, в погребении 2 кургана № 64 обнаружены кожаный мешочек с тканью, коробочки из коры. В погребении 1 кургана № 65 найден фрагмент шелковой ткани и часть бронзового колечка, находящегося в коробочке из коры. Антропологическое определение есть только одно: в погребении 1 кургана № 114 предположительно захоронена женщина 20–25 лет.

В БКМ всадников с оружием выявлено три: неограбленные (к. 42, п. 6, к. 54, п. 1) и разграбленное (к. 77, п. 3, костяк 4). В этих захоронениях найдены удила, стремяна, седельные пробои, железные наконечники стрел, бытовые предметы, украшения из бусин. Представляется, что в эту группу можно включить подростка, так как в обществе развитого Средневековья, скорее всего, он считался уже взрослым (к. 1, п. 2). Несмотря на то, что его погребение разворочено, захоронение лошади (черепа и конечности слева от человека) сохранилось. На голове коня была уздечка, от которой зафиксированы бронзовые бляхи на лицевой и теменной костях, железный тройник для распределения ремней [Дульзон, 1947, табл. 30, 38], найдены стремяна. С подростком положены 10 железных наконечников стрел, кресало с кремнем и две стеклянные бусины.

В МУМК в рассматриваемую подгруппу вошли ненарушенные погребения в курганах № 62 (п. 1), № 63 (п. 1), № 80 и 101 (п. 3) и погребения из ограбленных курганов № 23, № 56 (п. 2), № 75 и № 102 (п. 4). В этих погребениях наряду с наконечниками стрел найдены предметы конского снаряжения: удила (к. 23, к. 75) и детали упряжи — железные пластины с кольцами от узды, накладные железные пластины на сбрую (к. 56, п. 2; 80, 101, п. 3). В погребении 1 из кургана № 63 найдена подкова (?).

Есть еще несколько разрушенных погребений, в которых найдены предметы конского убранства, но нет оружия. Так, в кургане № 75 с погребенным на момент раскопок были только удила и топор-тесло; в погребении кургана № 81, сохранившемся только в области ног, были зафиксированы стремяна, удила, железные пластинки от узды (?) и скобы, скреплявшие гроб. В кургане № 31 захоронена женщина 50–60 лет, с ней ребенок и кремень. В кургане № 58 (п. 1, 2) есть черепа лошадей в ногах, топоры-тесла, удила (п. 1). Эти погребения надо учитывать как захоронения всадников. Были ли они воинами, мы утверждать не можем (могилы нарушены).

Подгруппа III/2. Вооружение составляли железные наконечники стрел, иногда в одном погребении были и железные, и костяные. Кроме того, есть остатки от поясов: бронзовые и железные пряжки, бытовые предметы: нож, кресало, топор-тесло, сосуд или фрагменты керамики. Встречаются украшения из бус из разных материалов. Включены как целые, так и ограбленные могилы. В АКМ к этой подгруппе относятся 23 целых и три нарушенных погребения. Как уже было отмечено, АКМ наименее по-

страдал от грабителей по сравнению с БКМ и особенно с МУМК. Ненарушенные погребения происходят из курганов: № 6, 33, 40, 42, 44, костяк 2; к. 50, 53, 64, п. 1; к. 65, п. 2; к. 69, п. 4; к. 93, п. 1, 2, 94, костяк 1, 3; к. 60, п. 3; к. 91, п. 1; к. 102; 119, п. 2, 3, 5, 7, 8; 121. Нарушенные из курганов: 2, костяки 1, 3; 32. Судя по неграбленным могилам, можно отметить, что в захоронениях найдено от одного железного наконечника (к. 53, 64, п. 1, 102 и др.) до шести (к. 33, п. 2). В некоторых погребениях найдены железные и костяные наконечники стрел: два железных, четыре костяных (п. 42), четыре железных и два костяных (к. 44, костяк 2, женщина старше 60 лет, костяк мужчины этого же возраста, стрел нет или им положили обоим). Есть погребение женщины 18 лет, у нее лежал железный и три костяных наконечника (к. 6). В кургане № 2 захоронены мужчина 40 лет и женщина 40 лет, ему положены два железных и четыре костяных наконечника, ей — пять железных наконечников стрел. Чем определялось количество стрел в погребениях — какими-то мировоззренческими установками или наличием стрел в колчане в момент смерти (?). Следует отметить наличие фрагментов поясов в нескольких захоронениях этой подгруппы: это пряжки, железные пластины.

Среди захоронений выявлена группа профессионалов. В кургане № 32 наряду с железными наконечниками стрел найдены инструменты кузнеца: молоток, секач и клещи. Этот человек в первую очередь был кузнецом, почитаемым в обществе. В кургане № 63 найдены три железных, семь костяных наконечников стрел, кузнечные клещи и молоток-зубило [Зиняков, 1997, с. 146–147]. По статусу положения в обществе эти два погребения следовало бы отнести к группе II. Из 13 антропологических определений костяков из этой группы достоверно восемь относятся к мужчинам, шесть — к женщинам. В группе мужчин пятеро умерли в возрасте 25–30 лет, один — около 35 и два — 40 лет. В группе женщин около 20 лет отмечены два захоронения, 18 — одно; 40 — одно и 50–60 лет — два. Кроме того, имеется по одному мужскому и женского костяку, определенных по полу предположительно — мужчина 16–20 лет и женщина 20–25 лет.

Восемь неграбленных погребений (к. 27, п. 4; к. 30, п. 2; к. 42, п. 2, п. 5; к. 55, п. 10; к. 68, п. 3; к. 91, п. 3; к. 97, п. 3) и четыре ограбленных погребения (к. 25, п. 1; к. 42, п. 4; к. 70, п. 3; к. 74, п. 3) составили в БКМ группу III/2. Наибольшее количество железных наконечников стрел (по 9) зафиксировано в погребении 2 кургана № 30 и в погребении 3 кургана № 97. В двух погребениях (к. 30, п. 2; к. 97, п. 3) были нож, кресало, а в погребении 3 кургана № 97 найдены еще бронзовые серьги, в погребении 2 кургана № 30 — железный крюк. В остальных погребениях этой подгруппы железных наконечников зафиксировано значительно меньше: от одного до семи. Костяные наконечники наряду с железными обнаружены в трех погребениях (к. 25, п. 1; к. 42, п. 5; к. 55, п. 10). Встречены пряжки (к. 27, п. 4; к. 42, п. 2), топоры-теса (к. 42, п. 2; к. 70, п. 3; к. 91, п. 3).

Украшения представлены стеклянными бусинами и бисером в небольшом количестве всего в двух погребениях и отмеченными выше бронзовыми серьгами. Антропологических определений костяков из этой подгруппы есть только шесть. Это трое мужчин и одна женщина зрелого возраста, и один мужской, но возраст не определен, один — возраст 20–25 лет, пол скорее мужской.

МУМК. К указанной подгруппе отнесены целые погребения из курганов № 12 (п. 2), № 38, № 47, № 52а, погребение из раскопа V, 72 (п. 2), 100 (п. 2); 101 (п. 3). Нарушенные

погребения из курганов № 16, 26, 35, 53, 67, 63 (п. 1), 69, 74, 76, 82, 83, 85. Среди этих захоронений большим количеством наконечников стрел выделяются погребения в к. 35 — 10 железных и три костяных; в кургане № 52а — 15 железных, 11 из них, видимо, были в колчане, четыре лежали разрозненно. В остальных погребениях найдено от одного до семи железных наконечников. В большинстве могил зафиксирован бытовой инвентарь, есть в погребениях и украшения. Так, в кургане № 74 обнаружены две бронзовые серьги, стеклянные, сердоликовые бусины; в кургане № 76 (женщина 20–30 лет) — одна хрустальная и три стеклянных бусины, в кургане № 100, погребении 2 обнаружена пластина из белого сплава с изображением ящера и человека. Последний предмет относится к культовым. По подгруппе III/2 из МУМК есть девять антропологических определений. Из них достоверно мужских — четыре, все разного возраста (от 20 до 40–50 лет). Одно определение предположительно мужское — 35–40 лет; достоверно определенных женских костяков два, оба — 20–30 лет, один костяк предположительно женский 20–30 лет.

Заключая анализ погребений подгруппы III/2, следует отметить, что в нее входили мужчины и женщины. По роду занятий это и воины, и охотники, и скотоводы. Выделяются несколько погребений с вооружением и предметами, обозначающими профессиональные занятия.

Группа IV (47 человек — 26,86%).

Погребения без оружия с малым количеством инвентаря. Чаще всего в них обнаружены бытовые предметы: нож, кресало, топор-тесло, сосуды. Украшения встречаются редко. В эту группу вошли только ненарушенные погребения.

В АКМ к ним относятся погребения из курганов: № 3 (п. 1), 5 (п. 1), 16, 17, 26 (п. 2), 41, 44 (костяк 1), 45, 77 (п. 1, 2), 79, 96, 101, 113 (п. 2, 3), 115, 119 (п. 4, 6), 120 (п. 1), 123 (п. 1), 128 (п. 1). Кроме того, в двух курганах вместе со взрослыми похоронены дети: к. 67 (взрослый и ребенок), к. 69 (п. 1 — двое взрослых и два ребенка, в группе IV учтен костяк 2). В четырех погребениях зафиксировано по два костяных наконечника стрел: к. 45 — вместе с ножом и кресалом; к. 79 — вместе с топором-теслом и бисером; в к. 123, п. 1 были еще нож, сосуд и часть железного кольца. Есть погребения только с одним предметом (к. 41 — нож, к. 128 — кресало), с двумя предметами — нож, сосуд (к. 69, п. 1, костяк 2; к. 77, п. 2; к. 113, п. 3), топор-тесло, сосуд (к. 96), сосуд, стеклянные бусины (к. 119, п. 6).

Для группы IV имеется несколько антропологических определений (в рассматриваемых выше погребениях с предметами они не включены). Так, у женщины 25 лет в кургане № 17 обнаружено только две бронзовые серьги; у женщины 25–30 лет в кургане № 5 (п. 1) лежал нож и сосуд. У мужчины 30–35 лет из кургана № 16 были топор-тесло, железное кольцо и ремешок, у мужчины 60 лет из погребения 2 кургана № 26 обнаружено кресало.

В БКМ к этой группе отнесены погребения из курганов: № 15 (п. 1), 17 (п. 2), 27 (п. 2), 35 (п. 2, 3), 55 (п. 4, взрослый и ребенок), 66 (п. 2), 77 (п. 1, 6, 7), 80 (п. 4), 82, 98, 100. Среди них есть погребения с костяными наконечниками стрел наряду с другим инвентарем: к. 15 (костяной наконечник, бронзовая серьга), к. 100 (три костяных наконечника, нож). В нескольких погребениях найдено только по 2–3 предмета: к. 35, п. 2 — нож и фраг-

менты сосуда; к. 35, п. 3 — нож и две белые стеклянные бусины, к. 66, п. 2 — нож, часть кресала, топор-тесло, к. 77, п. 1, 6 — в каждом нож и кресало, к. 77, п. 7 — нож и сосуд.

Выделяются в этой группе погребение 4 в кургане № 80 и погребение в кургане № 82. Погребение в кургане № 82 предположительно определено А. П. Дульзоном [1947, с. 80] как сидячее. Однако при описании погребального ритуала басандайских курганов З. Я. Бояршинова [1947, с. 153] в числе сидячих погребений его не называет. Погребение было сожжено на месте. В нем найдены нож, половина бубенчика, маленькое бронзовое колечко. Следует сказать еще о погребении 4 в кургане № 80. Это трупосождение на стороне. В могиле найдены небольшое тесло с клинообразным основанием, нож и неопределенный предмет.

Из МУМК в группу IV включены следующие погребения из курганов: № 19 (п. 1), 22 (п. 1), 42, 43 (п. 2), 44 (п. 1), 71; погребение из раскопа IV, 95 (п. 2, 3), 102 (п. 5). Как уже в описанных погребениях этой группы из АКМ и БКМ, почти у каждого погребенного был нож, далее по частоте встречаемости кресало (к. 44, п. 1). В нескольких погребениях наряду с указанными предметами находился сосуд (к. 22, п. 1, погребение в раскопе IV, к. 102, п. 5). В погребении 3 из кургана № 95 был только нож. Украшения встречаются редко. В погребении 1 из кургана № 22 кроме уже названных предметов обнаружены две стеклянных бусины. Как и в погребении 1 из кургана № 95, в кургане № 71 вместе с ножом, кресалом и пряжкой найдена одна стеклянная бусина. И только в погребении кургана № 42 были четыре стеклянных бусины. В погребении 1 кургана № 44 зафиксированы две сердоликовые, две голубые стеклянные бусины и каменный предмет. Выделяется набором инвентаря погребение 1 кургана № 19, в котором умершему были положены нож, кресало, топор-тесло, часть серьги и три янтарных бусины.

Группа V (13 человек — 7,42%).

Погребения без инвентаря. Учтены ненарушенные захоронения. По размерам это малые курганы, за исключением кургана № 69, о котором уже сказано. Из АКМ к группе V отнесены погребения из курганов № 4 (п. 1, 2), 8, 19, 28, 38 (п. 2), 47 (два костяка), 59, 69 (п. 1, в нем выявлено четыре костяка — двое взрослых и два ребенка, один из взрослых предметов не имел). Среди этих погребений у нескольких определен пол и возраст. В кургане № 4 (п. 1) захоронен мужчина 40 лет европеоидного облика, в погребении 2 этого же кургана находилась женщина 60 лет. В кургане № 8 погребен мужчина 40–50 лет. В БКМ выявлено одно погребение (к. 55, п. 1). В МУМК таких захоронений обнаружено два (к. 1, к. 7).

Дети (37 человек — 17,45% от 212).

Детские погребения и погребения подростков в большинстве случаев не имеют антропологических определений. Они часто выделены по размерам могил. Дети и подростки захоронены как в отдельном кургане (АКМ — 4; БКМ — 1; МУМК — 3), так и в курганах с несколькими могилами (АКМ — 7, БКМ — 25, МУМК — 4). Есть курганы, в которых одна могила, но ребенок захоронен вместе со взрослыми людьми (АКМ, к. 2 — в могиле находились мужчина 40 лет, женщина 40 лет и ребенок до 1 года). Из погребенных внутри могильных сооружений есть погребения на бересте и покрыты берестой, одно погребение в колоде (МУМК, к. 60, п. 2); есть погребения, у которых, как у взрослых, есть подстилка на дне могилы и засыпка могилы. Размеры могил в ос-

новном по росту ребенка или подростка, редко — больше. Размеры курганов, в которых похоронены только дети, в АКМ — средних размеров, как большинство курганов, только один курган (к. 95) малого размера: 3×2,8 м, высотой 20–30 см.

Детские погребения по качественно-количественному набору инвентаря разделены на три группы: I — погребения с большим количеством инвентаря, среди которого есть предметы торевтики из драгоценных металлов, бусины из лазурита, сердолика, хрусталя, веточка коралла; II — погребения с малым количеством инвентаря; III — безынвентарные погребения.

Группа I. Из АКМ к этой группе отнесено три погребения. В кургане № 29 в одной могиле захоронено четыре ребенка, из них костяки первый и второй по 3–5 лет, костяк третий — 6–8 лет, костяк четвертый — 2–3 лет. Все дети снабжены инвентарем. Среди них набором предметов выделяется костяк 1. Ему были положены четыре стеклянных бусины, кусочек серебряной фольги, бронзовая подвеска с перламутровой вставкой, кусочек серебряной фольги с рисунком, серьга, железный и костяной наконечники стрел. Железные скобы зафиксированы в могиле ребенка 7 лет в кургане № 31.

С ребенком в погребении 2 кургана № 60 найдены серьга из белого сплава, ее ножка обвита тонкой проволокой, а оттяжка граненая, рядом с серьгой лежали граненая фиолетовая бусина, железная пряжка и фрагмент керамики без орнамента. В этом же погребении найдены две шумящие подвески, являющиеся импортом для Томского Приобья. В других могильниках их нет.

В Басандайском курганном могильнике выявлены девять погребений, относящихся к группе I. Так, в погребении 3 из кургана № 7 (ребенок 5–7 лет) обнаружены серебряные серьги, четыре бронзовых бубенчика, бронзовый тройник, железные пряжки, нож, два крюка, железное кольцо. В области черепа зафиксирован бисер, на плече — бронзовая нашивка. В погребениях 4, 5 из кургана № 77 и в погребении 2 из кургана № 54 найдены предметы из лазурита: подвески (к. 77, п. 5; к. 54, п. 2), серебряные серьги с лазуритовыми подвесками наряду с другими богатым инвентарем: бляшкой из белого сплава с птицами, серебряным шариком, половинкой перламутровой раковины и большим количеством бусин, рассыпанных по могиле (к. 77, п. 4), бронзовым колечком с лазуритом с бронзовой фигурой медведя на шее (оберег?), ожерельем из бус и рассыпанными бусами по костяку ребенка (к. 54, п. 2). Погребение 2 в кургане № 77 по составу инвентаря похоже на взрослое захоронение. При нем обнаружены: топор-тесло, два ножа, железные детали от пояса (?), а также четыре лазуритовые подвески, серебряная пластинка и сосуд. В погребении 3 из кургана № 24 захоронен подросток 10–11 лет. Его инвентарь также близок к инвентарю взрослого человека. Погребение нарушенное, из инвентаря найдены: железный наконечник стрелы, топор-тесло, пряжка, тройник от узды (?) и цветная бусина. Большим богатством инвентаря отличается погребение 3 кургана № 25. Это захоронение с лошадьё, удилами, топором-теслом, ножом, серьгами с лазуритом и медальоном со вставкой из коралла (?) с 16 сердоликовыми, перламутровыми бусинами, с подвеской из хрусталя, с бронзовыми птичками на головном уборе и другими предметами. Погребение 6 двух детей из кургана № 55 выделяется в первую очередь импортными предметами — бронзовой ложкой с собачкой на навершии ручки [Басандайка, 1947, табл. 70] и захоронением двух лошадей, кроме того, найдены

два топора-тесла, два целых и половина третьего бубенчика, две бусины из бирюзы (?), стеклянные бусины, колесовидная подвеска.

В МУМК к этой группе отнесено погребение 3 из кургана № 55. Захоронен подросток 14–16 лет, с которым найдены кольцо из белого металла, бронзовая подвеска, бусина, миниатюрный железный нож и китайское зеркало с четырьмя иероглифами «Чан мин фу гуй» — долгой жизни, богатства, знатности [Плетнева, 2008; Ожередов, Плетнева, Масумото, 2008]. По стружкам и почкам дерева, найденным под костяком, было определено, что захоронение было произведено в конце весны — начале лета. Еще одно детское захоронение, выявленное по размеру пятна (100×60 см), обнаружено в кургане № 41. В нем обнаружены серебряное кольцо и фрагмент керамики.

Группа II. В группу II из АКМ вошли шесть детских захоронений: курган № 2, костяк 2 (ребенок до 1 года), № 29, костяк 2 (3–5 лет) и 4 (2–3 года); № 95; № 113 п. 1; № 125. Первое погребение из перечисленных нарушенное, остальные целые. В кургане № 2 ребенок захоронен с двумя взрослыми. У него найдено несколько стеклянных бусин. У ребенка из кургана № 29 (костяк 2) зафиксированы бронзовые серьги, колечко и несколько стеклянных бусин. С костяком 4 из этого же кургана положена бронзовая серьга. В кургане № 95 лежали костяные и железные предметы плохой сохранности, в кургане № 113 была только одна бронзовая серьга, в кургане № 125 найдены бусы, нож и железные предметы плохой сохранности.

В БКМ выявлено четыре ненарушенных захоронения (к. 54, п. 3; к. 55, п. 7, 8, 9) и одно в частично разграбленной могиле (к. 77, п. 3, костяк 3 — подросток 12 лет, всего в могиле четыре человека). У подростка нарушена верхняя часть скелета, ребенок от грабителей не пострадал. Погребение ребенка около 5 лет в кургане № 54 было произведено на камнях и было сожжено. С ним найдены бронзовая пластинка и 8–9 кусочков спекшегося стекла, вероятно, от бусин. В погребении 7 в этом же кургане захоронен ребенок около 2 лет, у него в районе головы и правого плеча обнаружены три бронзовые колесовидные подвески и бронзовая бляшка. Такие же подвески были положены ребенку в погребении 9. Располагались они справа и слева у локтевых костей. Ребенку 7 лет из погребения 8 того же кургана положили только нож. В кургане № 77 в погребении 3 с подростком найдено шесть костяных наконечников стрел, нож в берестяном футляре, железный стержень, кусок железной проволоки и неопределенный железный предмет. У ребенка предметов не было.

В группу II из МУМК вошли ненарушенные погребения из курганов: № 29 (п. 2), № 56 (п. 1), № 95 (п. 1), № 96. Погребение в кургане № 43 было частично нарушено. В первом из них зафиксированы только косточки от переносицы. Из предметов в могиле находились миниатюрный железный нож, сосуд, одна стеклянная бусина и бронзовые бляшки, которые, возможно, были положены на глаза. В погребении 1 из кургана № 56 сохранились мелкие фрагменты костей ребенка. Он лежал на бересте и был накрыт ею. В области черепа зафиксированы бусины — стеклянные, сердоликовые и из черного хрусталя. Кроме того, найдены бронзовая подвеска с каменной вставкой, две бронзовые бусины и часть миниатюрного железного ножа. С ребенком 8–10 лет из погребения 1 кургана № 95 были найдены две белые рубчатые бусины и железная пластинка. Ребенок в кургане № 96 был уложен на бересту и закрыт ею. Найдены две бронзовые

серьги, на оттяжку одной из них была надета стеклянная красная бусина. Ребенка 10–11 лет из погребения 1 кургана № 43 сопровождал железный наконечник стрелы, сосуд.

Группа III. В эту группу вошли только ненарушенные погребения. Из АКМ сюда отнесены костяк 3 из кургана № 29 (захоронено четыре ребенка, костяк 3 — ребенок 6–9 лет — старший из захороненных), костяки 1 и 4 из погребения 1 кургана № 69. В этой могиле было четыре костяка: двое взрослых и двое детей: 7–8 лет и 3–5 лет. У детей предметов не было. В кургане № 94 коллективное погребение трех человек: мужчина 25 лет (костяк 1), ребенок 3–4 лет (костяк 2) и взрослый (антропологического определения нет). У ребенка предметов не найдено. В кургане № 22, п. 1 (ребенок 2–3 лет) и в кургане № 123, п. 2 (ребенок 4–5 лет) предметов не обнаружено.

В БКМ захоронения детей без предметов произведены в погребении 1 из кургана № 27 (ребенок 1,5 года), в погребении 4 из к. 55 (захоронены взрослый и ребенок) и из кургана № 95. В МУМК захоронений детей без предметов не зафиксировано.

При анализе детских захоронений были сделаны некоторые наблюдения. Во-первых, надо отметить «богатые» погребения детей, что отражает прижизненный статус их родителей (группа I). Во-вторых, захоронения детей по одинаковому погребальному обряду со взрослыми. Так, в БКМ как один из типов погребального обряда — трупопожжение на стороне с погребением пепла на камнях (к. 54, п. 1 — взрослый на пяти камнях, п. 2 — ребенок на трех камнях). В обоих погребениях найдены лазуритовые изделия. В-третьих, некоторым детям, причем раннего возраста, положен инвентарь как взрослому. Например, в БКМ, к. 7, п. 3 у ребенка 4–5 лет найдены два железных крюка, нож, железная пружка, тройник (?), серебряные серьги, четыре бубенчика (этот предмет чаще встречается в детских погребениях, чем у взрослых), две бронзовые подвески. Это погребение тоже относится к богатым. В-четвертых, часто, но не всегда при захоронении в одной могиле со взрослыми и у детей, и у взрослых был «свой» инвентарь. Например, в кургане № 2 АКМ погребены двое взрослых и ребенок: мужчина 40 лет — у него два железных и четыре костяных наконечника стрел, нож, кресало; женщина 40 лет — у нее лежало пять железных наконечников стрел, нож, крюк, стеклянные бусины; у ребенка до 1 года — два железных и костяной наконечник стрелы и стеклянные бусины, т. е. у него был инвентарь как у взрослого. В-пятых, при захоронении в одной могиле нескольких детей дети одного возраста имеют разное количество и качество инвентаря. Так, в кургане № 29 АКМ покоилось четверо детей: двое 3–5 лет, одному из них были положены четыре стеклянные бусины, кусочек серебряной фольги, две подвески, одна с перламутровой вставкой, бисер; другому — одна серебряная серьга, стеклянные бусины и бронзовое колечко. У других детей из этой же могилы найдены: у ребенка 2–3 лет бабки животного, а у ребенка 6–8 лет было только серебряное колечко с петелькой (возможно, часть серьги).

О назначении инвентаря в погребениях детей. О погребениях взрослых принято считать, что они уходят в мир иной в том состоянии, в котором были в реальной жизни, и какой их судьба будет в дальнейшем — неизвестно. В отношении детей, снабжая их инвентарем взрослых людей, родители видимо, мыслили, что дети будут расти, станут взрослыми, о чем свидетельствует и зеркало с благожелательной надписью: «Долгой жизни, богатства и знатности» (МУМК к. 55, п. 3).

Анализируя расположение могил в курганах, выскажем некоторые наблюдения. Следует отметить такую деталь, как захоронение в одном кургане с несколькими отдельными погребениями, относящимися по наличию инвентаря к одной социальной группе. Так, в кургане № 54 БКМ с богатым захоронением взрослого (п. 1) было богатое погребение ребенка. Видимо, это семейный курган. Еще одним примером семейного кургана является курган № 69 из АКМ, в котором четыре могилы были окружены рвом.

БКМ отличается от других могильников наличием большого количества могил в одном кургане: более трех (к. 27–4, к. 42–6, к. 55–10, к. 77–7). Так, в к. 27 две могилы принадлежат взрослым (из них одна — женщине 35–40 лет, другая разграблена), одна ребенку — 1,5 года и одна — подростку 14–16 лет. В кургане № 42 было пять могил взрослых; одна могила ребенка; в кургане № 55 — два погребения взрослых в отдельных могилах, в одной могиле взрослый и маленький ребенок, в остальных дети разного возраста. В кургане № 77 — трое взрослых в разных могилах, в одной могиле было четыре костяка (двое взрослых, подросток и ребенок), в остальных — дети. Если захоронения в одном кургане с несколькими могилами в АКМ, БКМ и МУМК можно считать семейными, то захоронения в кургане № 77 БКМ, видимо, следует отнести к захоронениям в одном кургане людей, связанных родственными отношениями нескольких семей или большой патриархальной семьи.

О зеркалах. Одним из важных вопросов является вопрос о назначении зеркал в древности и Средневековье. Историографический обзор содержится в ряде работ, упомянем лишь некоторые [Плетнева, 2008; Ожередов, Плетнева, Масумото, 2008; Тишкин, Серегин, 2011].

Обратимся к материалам развитого Средневековья. Из могильников АКМ, БКМ и МУМК происходит 12 зеркал. Они найдены в погребении ребенка (БКМ к. 54, п. 2), подростка 14–15 лет (МУМК к. 55, п. 3), женщины 20 лет (АКМ к. 127), в двух погребениях пол не определен (МУМК к. 25 — около 25 лет, к. 21 — старше 40 лет). По остальным погребениям с зеркалами антропологических данных нет.

Рассмотрим эти погребения по наличию инвентаря. Ребенок (БКМ к. 54, п. 2) снабжен шестью лазуритовыми, двумя серебряными подвесками, янтарными бусами и частью зеркала (дети, группа II). Зачем ребенку зеркало? Может, в качестве оберега, но, скорее всего, смысл этого факта был намного глубже, возможно, связан с мифологией. В этом же кургане захоронен взрослый человек с богатым набором инвентаря, как уже отмечено выше. Но здесь есть второе погребение ребенка с малым количеством инвентаря. Одному много, другому — мало, в одном кургане вместе с богатым погребением взрослого. Почему? Подросток был захоронен в кургане с двумя отдельными могилами взрослых (один из них мужчина около 30 лет), которые по социальному статусу отнесены ко II и III группам, т. е. эти люди имеют довольно высокий социальный статус (МУМК, к. 55, п. 3). Зеркало положено только подростку. На зеркале благожелательная надпись: «Долгой жизни, богатства, знатности». С женщиной 20 лет (АКМ, к. 127) кроме зеркала положены нож, сосуд, красивые узорчатые бусы (происходят, видимо, из Средней Азии), монета. Положена она в гроб, что встречается не часто. Это погребение отнесено к группе II. Погребение в кургане № 25 МУМК принадлежит взросло-

му человеку около 20 лет, скорее всего, мужчине, который по социальному статусу отнесен нами к группе II. Однако следует оговориться, что погребение грабленное, возможно, в нем могло быть и оружие. Погребение в кургане № 21 МУМК принадлежит взрослому человеку 40 лет, с которым найдены только нож, кресало и зеркало. Таким образом, мы видим, что зеркала зафиксированы во всех возрастных группах и в разных группах по социальному статусу. Часть погребений с зеркалами без антропологических определений входит в элитные группы I и II (МУМК, курганы № 59, 63 (п. 2); БКМ, курган № 25 (п. 2)). Зеркала, найденные в погребениях групп I и II, являлись элементом престижа и могли быть предметом, используемым при проведении ритуальных обрядов. Таким образом, большинство погребений с зеркалами, независимо от возраста (кроме погребений в кургане № 21 МУМК), входят в элитные погребения. Только в одном погребении без антропологического определения (к. 95, п. 2) из предметов обнаружены нож, кресало и бисер (погребение не нарушено). Погребений с малым количеством инвентаря с зеркалами всего два. Могли ли быть эти люди, имея зеркала, исполнителями культов — однозначного ответа нет. Но, скорее всего, могли. Других предметов, которые обычно исследователи связывают с исполнителями обрядовых действий, нами не выявлено.

Погребения с зеркалами и малым количеством инвентаря следовало бы выделить в особую группу. По занимаемому социальному положению они включены в группу II, хотя и с оговоркой, так как они, видимо, занимали в обществе особое положение.

Таким образом, кто исполнял ритуальные функции в обществе населения Томского Приобья, сказать затруднительно. Можно предположить, что здесь, как и в южной Сибири раннего и развитого Средневековья, эти функции были у представителей власти разного уровня и у некоторых лиц, обладавших определенными способностями.

Заключение

Выявленные группы по качественно-количественному составу инвентаря и погребальным сооружениям можно соотнести с социальной структурой общества Томского Приобья периода развитого Средневековья. Группа I по оснащенности оружием, защитным доспехом, лошадьми или конской амуницией, предметами быта, украшениями из драгметаллов, предметами культа (зеркалами) соответствует представителям власти. Это военачальники, совмещающие административные и, вполне вероятно, культовые функции.

Группа II по инвентарю отличается от группы I наличием из оружия только накопечников стрел. У людей этой группы есть украшения из драгоценных металлов, много украшений из полудрагоценных камней, зеркала. Среди них есть погребения с лошадьми или конской амуницией. Эта группа определена как погребения богатых людей. Она состояла как из знатных женщин, которые могли по брачным или родственным связям иметь отношение к мужчинам группы I (например, погребение 2 в кургане № 18 МУМК, в котором погребение 1 относится к группе I), так и мужчин, некоторые из них могли быть местной элитой и, возможно, иметь какие-либо административные функции.

В АКМ нет погребений I группы. Погребение 2 в кургане № 3 наиболее богатое, выделяется как конструкцией погребального сооружения, так и набором инвентаря. Мож-

но предположить, что захороненный в нем мужчина 25 лет был представителем власти проживавшего в этом районе населения.

Группа III разделена на две подгруппы. Подгруппа III/1 по наличию вооружения и лошадей или их амуниции определена как воины-профессионалы. Подгруппа III/2 по наличию оружия могла состоять из пеших воинов, охотников, скотоводов и других лиц. В группу IV вошли малоимущие, скорее всего, это местное население, могла быть и часть пришлого. Люди этой группы вели домашнее хозяйство, обслуживали скот, могли заниматься охотой и другими промыслами. Группу V составили неимущие. Среди выделенных групп группы I и II составляли элиту общества, которая как «функциональная группа» [Ашин, 1985, с. 43] выполняла определенные обязанности для общества. Профессиональные воины могли быть отнесены к военной знати вместе с представителями I группы. Надо отметить, что выполнение хозяйственных функций в погребальном обряде отражается мало. Нами отмечены погребения кузнецов, которые были в обществе людьми знатными. Над одной могилой был положен сошник, видимо, земледельцу.

Выделенные группы в социальной структуре общества Томского Приобья по могильникам XII–XIV вв. в какой-то степени являются условными по отнесению каждого отдельного погребения к той или иной группе: во-первых, «привязаны» к признакам каждой группы; во-вторых — мировоззренческие установки погребального ритуала, о которых нам знать не дано, могут (и наверняка это так и есть) не совпадать с нашим распределением по группам. Однако в целом автору представляется, что на периферийной территории тюркского мира, в частности в Томском Приобье, выделенные группы общества по археологическим источникам, по-видимому, соответствовали реальной жизни.

Территория Томского Приобья, как части басандайской культуры, — это северная периферия кочевого мира и признаки его культуры проявлялись на этой территории ярче всего в зависимости от присутствия «здесь и сейчас» нового пришлого населения. Период басандайской культуры — это основной период в формировании томских татар. Позже шло лишь постепенное вливание различных тюркских групп, что отмечено антропологами и лингвистами. Население басандайской культуры состояло из нескольких этнических компонентов: самодийского, кимако-кыпчакского и, возможно, незначительно — монгольского. Пришлое население заняло ведущие позиции в военно-административно-политическом отношении в сложившейся структуре общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ашин Г. К. Современные теории элит: критический очерк. М. : Международные отношения, 1985. 256 с.

Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области // Труды ТГУ (Т. 98), ТГПИ. Томск, 1947. 220 с.

Бояршинова З. Я. Погребальный ритуал в басандайских курганах // Басандайка. Томск, 1947. С. 151–165.

Вергман Е. Г., Плетнева Л. М. Технологии изготовления и химический состав металла масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой предметов торевтики развитого средневековья из Томского Приобья // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2 (30). С. 59–70. DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-04

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. Оборонительное сооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Дашковский П. К., Мейкшан Н. А. Элита в социальном пространстве кочевого общества (теоретический и методический аспекты) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 11–25.

Дульзон А. П. Дневники раскопок курганного могильника на Басандайке // Труды ТГУ (Т. 98), ТГПИ. Томск, 1947. С. 67–115.

Зиняков Н. М. Железообрабатывающее производство Томского Приобья в XI–XIV вв. // Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Приложение 3. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 146–164.

Крадин Н. Н. Престижная экономика и культура власти в кочевых империях // VIII Международный конгресс монголоведов (доклады российской делегации). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 72–78.

Ожередов Ю. И., Плетнева Л. М., Масумото Т. Металлические зеркала в музее археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры и народы северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск: ТГУ, 2008. Вып. 2. С. 136–158.

Пилипенко С. А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 156–162.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 350 с.

Плетнева Л. М. Средневековые зеркала из памятников Томского Приобья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск: Наука, 2008. С. 257–261.

Плетнева Л. М. Захоронение коня и конского снаряжения в могильниках басандайской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань; Омск: Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2010. Ч. I. С. 156–160.

Плетнева Л. М. Металлические предметы узды коня из кургана 27, погребения 2 курганного могильника у Устья Малой Киргизки // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Полиграфист, 2011. С. 145–148.

Плетнева Л. М. Лазурит в составе украшений из памятников басандайской культуры // Народы и религии Евразии. Барнаул. 2019. № 3. С. 34–58.

Серегин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Тишкин А. А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 2005. Кн. II. С. 43–56.

Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011. 144 с.

REFERENCES

Ashin G. K. *Sovremennye teorii elit: kriticheskij ocherk* [Contemporary Theories of Elites: Critical Essay]. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985. 256 p. (*In Russ.*)

Basandajka. *Sbornik materialov i issledovaniy po arheologii Tomskoj oblasti* [Basandaika. Collection of Archaeological Materials and Studies for the Tomsk Region]. Trudy TGU (T. 98), TGPI

[Proceedings of the Tomsk State University (Vol. 98), Tomsk State Pedagogical University]. Tomsk. 220 p. (*In Russ.*)

Boyarshinova Z. Ya. Pogrebalnyj ritual v basandajskih kurganah [Funeral Rituals in the Basandai Mounds]. In: Basandayka. Tomsk, 1947. Pp. 151–165. (*In Russ.*)

Vertman E. G., Pletneva L. M. Tehnologii izgotovleniya i himicheskij sostav metalla mass-spektrometrii s induktivno-svyazannoj plazmoj predmetov torevtiki razvitogo srednevekov'ya iz Tomskogo Priob'ya [Manufacturing Techniques and Chemical Compositions of Metals, Determined by Inductively Coupled Plasma Mass Spectrometry, in Toreutics of the High Middle Ages from the Tomsk Ob Region]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Studies]. 2020. No. 2 (30). Pp. 59–70. (*In Russ.*) DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-04

Gorbunov V. V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. I. Oboronitel'noe sooruzhenie (dospeh) [Military Arts of the Altai Population in the 3rd — 4th Centuries. Part I. Defenses (Body Armor)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 174 p. (*In Russ.*)

Dashkovskij P. K., Mejkschan N. A. Elita v social'nom prostranstve kochevogo obshchestva (teoreticheskij i metodicheskij aspekt) [The Elite in the Social Space of Nomadic Society (Theoretical and Methodological Aspects)]. Elita v istorii drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii [The Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 11–25. (*In Russ.*)

Dulzon A. P. Dnevnik raskopok kurgannogo mogil'nika na Basandajke [Excavation Diaries for the Basandaika Burial Mound]. Trudy TGU (T.98), TGPI [Proceedings of the Tomsk State University (Vol. 98), Tomsk State Pedagogical University]. 1947. Pp. 67–115. (*In Russ.*)

Zinyakov N. M. Zhelezoobrabatyvayushchee proizvodstvo Tomskogo Priob'ya v XI–XIV vv. [Iron Industry of the Tomsk Ob Region in the 11th–14th Centuries]. Pletneva, L. M. Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n. e. (po arheologicheskim istochnikam). Appendix 3. [The Tomsk Ob Region in the Early Second Millennium AD (Based on Archaeological Data)]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1997. Pp. 146–164. (*In Russ.*)

Kradin N. N. Prestizhnaya ekonomika i kul'tura vlasti v kochevykh imperiyah [The Prestigious Economy and Culture of Power in Nomadic Empires] // VIII Mezhdunarodnyj kongress mongolovedov (doklady rossijskoj delegacii) [The 8th International Congress of Mongolists (Reports of the Russian Delegation)]. M. : In-t vostokovedeniya RAN, 2002. Pp. 72–78. (*In Russ.*)

Ozheredov Yu. I., Pletneva L. M., Masumoto T. Metallicheskie zerkala v muzee arheologii i etnografii im. V. M. Florinskogo TGU: formirovanie i issledovanie sobraniya [Metal Mirrors in the V. M. Florinsky Museum of Archaeology and Ethnography, TSU]. Sbornik muzeya arheologii i etnografii Sibiri im. V. M. Florinskogo. Vyp. 1. Kultury i narody severnoj Azii i sopredelnyh territorij v kontekste mezhdisciplinarnogo izucheniya [Collected Works of the V. M. Florinsky Museum of Siberian Archaeology and Ethnography. Vol. 2. Cultures and Peoples of Northern Asia and Adjacent Territories in the Context of Interdisciplinary Studies]. Tomsk : TGU, 2008. Pp. 136–158. (*In Russ.*)

Pilipenko S. A. Mongolskij golovnoj ubor iz mogil'nika Basandajka [Mongolian Headdress from the Basandaika Burial Mound]. Istoricheskij opyt hozyajstvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoj Sibiri [Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. Vol. 1. Pp. 156–162. (*In Russ.*)

Pletneva L. M. Tomskoe Priob'e v nachale II tys. n. e. (po arheologicheskim istochnikam) [The Tomsk Ob Region in the Beginning of the Second Millennium AD (Based on Archaeological Data)]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1997. 350 p. (*In Russ.*)

Pletneva L. M. Srednevekovye zerkala iz pamyatnikov Tomskogo Priob'ya [Medieval Mirrors from the Sites of the Tomsk Ob Region]. Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij [The Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Novosibirsk ; Omsk : Nauka, 2008. Pp. 257–261. (*In Russ.*)

Pletneva L. M. Zahoroneniye konya i konskogo snaryazheniya v mogil'nikah basandajskoj kul'tury [Burials of a Horse and Horse Equipment in the Burial Grounds of the Basandaika Culture]. Integraciya

arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [The Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Kazan'; Omsk : Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan, 2010. Part I. Pp. 156–160. (*In Russ.*)

Pletneva L. M. Metallicheskiye predmety uzdy konya iz kurgana 27, pogrebeniya 2 kurgannogo mogil'nika u Ust'ya Maloj Kirgizki [Metal Fragments of a Horse Bridle from Mound No. 27, Grave No. 2 of the Burial Ground at the Mouth of the Malaya Kirgizka River]. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskih narodov Evrazii. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [The Ethnic History and Culture of the Turkic Peoples of Eurasia. Proceedings of the International Scientific Congress]. Omsk : Poligrafist, 2011. Pp. 145–148. (*In Russ.*)

Pletneva L. M. Lazurit v sostave ukrashenij iz pamyatnikov basandajskoj kul'tury [Lazurite in Jewelry from the Sites of the Basandaika Culture]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and Religions of Eurasia]. 2019. No. 3. Pp. 34–58. (*In Russ.*)

Seregin N. N. Social'naya organizaciya rannesrednevekovyh tyurok Altae-Sayanskogo regiona i Central'noy Azii [Social Organization of the Early Medieval Turkic Peoples of the Altai-Sayan Region and Central Asia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. 206 p. (*In Russ.*)

Tishkin A. A. Elita v drevnih i srednevekovyh obshchestvah skotovodov Evrazii: perspektivy izucheniya dannogo yavleniya na osnove arheologicheskikh materialov [The Elite in Ancient and Medieval Societies of Herders of Eurasia. Prospects for Research of this Phenomenon Based on Archaeological Materials] // *Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World]. Ulan-Ude : Buryatskij nauchnyj centr Sibirskogo otdeleniya RAN, 2005. Vol. II. Pp. 43–56. (*In Russ.*)

Tishkin A. A. Altaj v mongol'skoye vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov) [The Altai Region in the Mongolian Period (Based on Archaeological Data)]. Barnaul : Azbuka, 2009. 208 p. (*In Russ.*)

Tishkin A. A., Seregin N. N. Metallicheskiye zerkala kak istochnik po drevnej i srednevekovoj istorii Altaya (po materialam muzeya arheologii i etnografii Altaya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta) [Metal Mirrors as a Source on the Ancient and Medieval History of Altai (Based on Materials from the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University)]. Barnaul : Azbuka, 2011. 144 p. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Плетнева Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета, г. Томск, Российская Федерация

Lyudmila Mikhailovna Pletneva, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Archaeology and Ethnology, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation.

Материал представлен в редколлегию 15.10.2020.

Статья принята в номер 12.12.2020.